

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

АДАР алғы - АДАР бет 5760

ПЕТРОЗАВОДСК

MAPT 2000

N 21

НАША ПОМОЩЬ ЧУДЕСАМ

Пинхас Полонский

В Свитке Эстер мы не видим явных Б-жественных чудес; но при этом все «естественные» события в нем настолько чудесно «подстраиваются» одно к другому, спасение евреев происходит в результате стольких маловероятных совпадений, что за всем этим мы ощущаем направляющую волю Б-жественного Провидения. Такая ситуация называется в иудаизме «скрытым чудом», и история Пурима является классическим примером такого чуда. В этом смысле Свиток Эстер является как бы завершающей книгой Танаха: он описывает разницу между Библейской эпохой, когда происходили «явные чудеса» - море расступалось, с неба сходил огонь, Б-г посыпал пророков и открывался евреям в Храме, - и новой, пост-Библейской эпохой, когда явные чудеса прекратились. Это не означает, однако, что Б-г перестал вмешиваться в жизнь еврейского народа; просто теперь Его вмешательство идет путем скрытых чудес, т.е. согласования маловероятных, на поверхность взгляду случайных событий. Благодаря таким скрытым чудесам наш народ - от Пуримских времен до сегодняшнего дня - смог выжить и сохраниться, несмотря на чрезвычайно неблагоприятные окружающие условия.

Есть, однако, в событиях Пурима одно место, которое, казалось бы, не вполне согласуется с концепцией «продуманного Богом сценария». Ведь если Б-г сделал Эстер царицей именно для того, чтобы привести через нее спасение, то почему в самый критический момент, когда появился указ Амана, Эстер была в немилости у царя Ахашвероша? Если вся история - это скрытое чудо и Божественное управление случайностями, то почему к Эстер этот случай не благоволил с самого начала; почему она должна была по своей инициативе войти во дворец Ахашвероша и подвергнуть опасности как свою жизнь, так и свой план по спасению народа?

Ответ состоит в том, что, действительно, после окончания явных чудес. Все идет как будто бы естественным путем. осуществилось, мы должны сделать чудо и поступить Сoverшение «чуда», т.е. нарушение естественного переложено на нас.

В своем комментарии к Свитку Эстер что абсолютно все герои историй Эстер естественным побуждениям: тщеславию, мстительности. И даже естественно: когда он узнает, что опасность, он одевается в пысывает голову чтобы Эстер может. И только находится в должна естественным совершенно - пожертвовать народа.

Иными словами, поставлена Эстер, плана. Чудо не автоматически, но и осуществиться, мы наших сил и даже ставя в опасность в том, что наши действия действительно приводят к

Божественное чудо всегда то в «спасении», но в воспитывать Божественные именно в этом цель тех учит: «В пир Пурима обязан еврей «Проклят Аман» и словами этими двумя вещами становится посыпаются нам Богом для того

Библейской эпохи Б-г прекратил совершение
Но для того, чтобы это спасение
против естественного хода событий.
хода событий, в каком-то смысле

р. Мордехай Броэр отмечает, действуют по корыстолюбию, Мордехай действует его народу грозит мешковина, пеплом и требует, сделала все, что одна Эстер ситуации, когда она выбрать между своим правом жить и неестественным поступком своей жизнью для спасения

проблема, перед которой была тоже есть часть Б-жесткого только не происходит для того, чтобы помочь чуду должны действовать как на пределе возможностей, так и «сверх них», собственную жизнь. Чудо же состоит – вопреки естественным ожиданиям – успеху.

строго отмерено, ибо цель его - не прос-
тации человека, в том, чтобы научить нас
планы и помогать им осуществиться. И
трудностей, которые Б-г сегодня ставит перед нами. Талмуд
напиться до такой степени, чтобы не различать между словами
“Благословен Мордехай”. На самом деле «на глубине» разница между
незаметной: и благословенный Мордехай и проклятый Аман
чтобы помочь нам исправиться и пролвинуться

Так что ХАГ ПУРИМ САМЭАХ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА СЕМЁНА БЕКЕНШТЕЙНА

Каждая человеческая жизнь уникальна. И все же есть люди, на долю которых выпало стать олицетворением народа, эпохи, своего времени, мужества, профессии и т.п. Люди-символы. Нечасто случается встретиться с таким человеком. А может быть, мы просто в суголовке дней своих часто не замечаем их? Нам кажется, что они где-то далеко? Семёна Ионовича Бекенштейна я встретил, когда он приводил в порядок только что выделенное помещение для общества "Шалом". Он произвел впечатление энергичного, очень аккуратного, с чувством юмора человека. Когда он ушел, мне сказали: "А ты знаешь, что этот человек был в Освенциме!" Освенцим! Это слово, как пощечина, как плевок всему человечеству, человечности, каждому живущему. Это так не вязалось с жизнерадостным обликом Семёна Ионовича, что я от растерянности задала совершенно идиотский вопрос: "На экскурсии?" "Да, три года с 43 по 45 длилась эта "экскурсия"! И не только эта!" И вот, мы сидим в уютном, уже другом помещении "Шалома", которое тоже обустраивал Семён Ионович, и он рассказывает, рассказывает... Говорит очень просто, обыденно, но сколько всего стоит за этим! Да разве можно пересказать жизнь? Лишь малая толика этого рассказа сегодня перед Вами.

Родители мои родились в Белостоке: отец в 1895, мать в 1897 году, там и жили. Отец - кожевник, его отец был сапожником, три брата - сапожники. Шили модельную обувь. У брата отца была мастерская на центральной улице города - ул. Сенкевича, и они там работали. Отец работал на кожевенной фабрике, зарабатывал 5-8 злотых в день, можно было хорошо жить. Был мастером, но и сам работал.

Я родился в 1922 году, закончил 4 класса начальной еврейской школы - хедера, на идиш. Учили Гемару, Талмуд, Хушма. Потом 6 классов другой школы, тоже еврейской. Содержал ее Гельман, директор школы (что-то за меня платили, но немного). В польскую народную школу евреев не брали и в государственные польские гимназии тоже. Иногда, правда, если отец очень богатый, в них можно было попасть, но это очень редко. Я поступил в еврейскую гимназию, но потом родители перевели меня в еврейское ремесленное училище. Преподаватели были высшего уровня. Математику и физику преподавали два брата: у них были изданы свои учебники. (Впоследствии, в 59 году я закончил двухгодичные курсы Ленинградского института повышения квалификации по специальности техник-механик на отлично: 23 предмета - 23 пятерки. Все это заложено было в еврейском ремесленном училище.) Занимался боксом, был в Маккаби, что совсем нeliшне - антисемитизм процветал, был хуже, чем в России, и частенько приходилось постоять за себя, да и за других тоже. Тренером был Кушнер, который несколько лет держал второе или третье место в Польше в своей весовой категории. Проучился я год, и началась война.

В Белосток вошли немцы. Бесчинствовали. Пробыли неделю и ушли. Через две недели вошли русские, их тогдашние братья по оружью. И стали советские порядки: кто побогаче - в Казахстан, час на сорбы и поехали. Национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядя оставил работать в нем главным механиком. Он взял моего младшего брата к себе учеником, и он стал токарем по металлу. Приехало много русских гражданских. Кино, театр - бесплатно, агитация. Говорили, что освободили часть России. Поляки ненавидели русских. Но русские не издавались над евреями. Меня направили учиться в железнодорожный техникум. Преподаватели были русские военные. Я попал в группу помощников машиниста паровоза. Затем перешел в механико-энергетический политехникум и проучился там год. В субботу 21 июня 41 года сдал последний экзамен по физике, а назавтра фашисты напали на СССР. Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу вошли немцы. Сразу же сожгли 29 улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там более тысячи евреев. К этому времени в Белостоке жили 50 тысяч евреев, и в области 350. В первой половине июля немцы уничтожили более 6 тысяч. Еврейский район обнесли забором, установили двое ворот, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г хлеба

ВЕЛИЧАЙШАЯ БОЛЬ - ТАКАЯ,
О КОТОРОЙ СКАЗАТЬ НЕВОЗМОЖНО

Пословица

в день (позже -350 г). Все еврейское имущество было конфисковано. Внутри гетто было образовано самоуправление. Мы жили недалеко от ворот, метрах в 200, вчетвером, а когда всех согнали, стали жить 12 человек. Выпускали и впускали из ворот только по пропускам. Я работал вместе с отцом на фабрике кочегаром. На груди и на спине - желтая звезда. Ходить по тротуару не разрешалось - шли по проезжей части рядом с тротуаром. В магазины входить запрещалось. В феврале была проведена первая "акция": 1 тысяча евреев были убиты и 10 тысяч отправлены в Треблинку. Утром 2 февраля 43 года (полтора года уже жили в гетто) всех стали выгонять из домов на улицу. Я попытался спрятаться в подполье какого-то еврейского дома, но меня нашли, вытащили наружу и погнали к колонне на ул. Фабричную, где уже были отец, брат и дядя. Мама и другие родственники находились где-то в этой же колонне, но мы так и не увиделись. Подошла подвода, с нее стали бросать буханки круглого хлеба. Я говорю отцу: "Папа, залезай на подводу, помоги хлеб кидать, а там и уезжай с подводой". Папа сказал: "Прошай", и пошел. Он уехал с подводой и больше отца я не видел. (Позже в Освенциме я узнал, что он погиб во время восстания в гетто в своем родном городе). Всех поставили "пятерками", чтобы легче было считать, и погнали на железнодорожную станцию. Загнали в вагоны, и мы провели там ночь, а утром тронулись, не зная куда. Не кормили, ели только то, что было у каждого. Когда прибыли на место, нас разделили: женщины с детьми, старики, инвалиды - налево, и сразу же подъезжал машина со сходнями сзади на всю ширину кузова, чтобы по ним подниматься, и увозить. Куда увозят, мы уже предполагали... Молодые, до двадцати-отдельно. Всех опять строят "пятерками". Младший братишкой мой (27 г.р.) стоит крайний справа, я второй. Немец пальчиком распределяет, кому куда. Подошла наша очередь. Я держу брата за руку. Говорю: "Я токарь, мой брат - тоже". "Возьми его с собой". Мы, бегом к кучке молодых. Я говорю брату: "Пей сах, пока мы живы. Надолго ли, не знаю, но крепись". И здесь же встретили дядя Янкеля, младшего брата отца. Нас погнали бегом, пятерками в карантинный лагерь в Биркенеу (Бжезинка по-польски), где мы пробрали шесть недель. Лагерь назывался "цыганским", потому, что как-то загнали туда цыган и через несколько дней всех уничтожили, а название осталось. Я спросил у одного чеха: "Вы давно здесь?" "Три месяца, но вы вряд ли столько проживете". Оптимизма это не прибавило. Сразу по прибытии в лагерь нас погнали в баюю. 123 мужчины и отдельно 97 женщин - всех оставшихся в живых. Первая мысль: "В крематорий". Но нет, это была баюя. Там тоже издевались: давали или холодную воду, или кипяток. Выдали одежду на груди и на брюках справа: треугольник вниз углом - красный, вверх - желтый с номером. Мой номер 100611, который выкололи на предплечье левой руки здесь же в баю. На второй день утром всех опять погнали пятерками. Остановили перед горой трупов, метра три высотой, не похожих на людей. Пошел снег большими хлопьями, и мы стали слизывать его друг у друга с плеч. Простояли часа два, потом команда: "Правое плечо вперед!", и обратно в барак. Эту картину я не забуду до конца дней своих. После этого я хотел повеситься. У меня был ремень, уже присмотрел подходящее место. Но ночью подумал: "А на кого я брата оставил?" В бараке, метров 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраса и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит на каждой по 9 человек. Во время карантина постоянно проводили "селекцию": выстраивали всех в один ряд, идут пара эсэсовцев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли выжаться из земли: если не смог - таких больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля - не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был пекарем, поэтому и выжил), который рассказал, что их было 40 тысяч, а осталось человек 10. На карантине над нами издевались - заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз так же кирпичи таскали. Или выгоняют из барака, строят, заставляют валяться в грязи. Били. Евреи многие не выдерживали, быстро "доходили", погибли. Через шесть недель опять усиленная проверка здоровья, кто годится - на работу, а кого в расход. Брат высоконький, худенький, его оставили там, а меня перевели в Освенцим, в центральный лагерь (там было много лагерей). От брата никаких известий нет, но через полтора года я узнал, что всех, кто остался в "цыганском" лагере, отправили на лесоразработку в горы и там перестреляли, как бы при "попытке к бегству", так там было объявлено. От возчика, работавшего в лагере, я узнал, что жену дяди Моисея, красавицу, оставили в женском лагере для медицинских опытов. Дальнейшую ее судьбу я не знаю.

В Освенциме я попал в 22 блок на 2 этаж, две недели ходили голышом, как новоприбывшие, потом перевели в блок 14-а. Выстригли нам на голове машинкойолосу, ее называли "Лаузенштрассе" (улица для вшей). И именно с этого момента началась моя жизнь в Освенциме. Меня отправили работать на кожевенный завод за три километра. Попал на общие работы. Капо (начальник сотни) был немец Отто, с "зеленым треугольником" бандо. Он меня однажды со всего маха сзади ударил лопатой по голове. Я закачался, но не упал, а то бы меня добили. Стал "доходить". Потерял счет времени. Меня спас капо Ливач - немецкий поляк. Работал я на разборке кирпичей после американской бомбежки. Нас выстроили, и капо Ливач говорит, что надо сделать замок, и показывает какой. Из всех только я взялся за это. Он меня отвел в мастерскую. Оказалось, что надо было сделать

замок для задней дверцы кареты, чтоб она захлопывалась и открывалась ручкой без ключа. Карета была шикарная. Я осмотрелся. Там был немец с "красным треугольником", значит - политический. Взял я у него инструмент и сделал замок и даже врезал его, хотя меня не просили об этом. Замок я должен был сделать к вечеру, а я его даже вставил, и еще осталось время. Беру веник и начинаю убирать вокруг. Нам нельзя было не работать - за это наказывали. Входит кало Ливач: «Кто тебе велел этим заниматься? Я ему говорю, что все сделают. Он идет к верстаку: "А где замок?" "Я его врезал". Он подошел к карете, и давай дверцей хлопать. Остался очень довольным. (А он был кузнецом- художником, золотые руки). "Приходи, - говорит, - завтра на работу прямо сюда. Я скажу кало Отто, что ты теперь будешь работать у меня". Это спасло мне жизнь. И я начал работать в кузнице и проработал до 18 января 45 года.

Со мной работали еще человек 15, не только евреев. Запомнил одного еврея из Франции - он в горне жарил лягушек. Один поляк (он был здоровее меня) два раза пытался меня задушить: "Ты Иисуса Христа распили!" Потом стал "лепшим" другом: он видел, что мои руки к чему-то годятся. Мы с ним вдвоем токарный станок восстановили, строгальный станок. Был еще Давид, потомственный кузнец. Мог отковать птичку - каждое перышко видно! Я даже не предполагал, что такое возможно. Он попал в лагерь вместе со мной. (Потом я его встретил в Румынии, он предлагал ехать с ним в Израиль. Когда узнал, что я собираюсь в СССР, чтобы попытаться найти своих, сказал: "Куда ты едешь? Там такие же антисемиты, как в Польше!") В лагере хуже всех относились к евреям и русским. Русские были с "черным треугольником" - это означало "вредителя". Им доставалось больше, скажем, чем полякам, а евреям - больше, чем русским: табель о рангах. Ко мне все относились, в общем, не плохо. Кормили нас так: литр супа, 300 граммов хлеба. Иногда в конце недели хозяин давал за работу кому 1, кому 2, кому 3 марки, на которые можно было купить в магазине лагеря миску супа, сигареты, зубную щетку, зубной порошок, туалетную бумагу. Я работал и в выходной - был один немец кузнец, мы с ним ковали подковы. Делали по 30 подков на двоих, научился подковывать лошадей, чинил брички. . Была столярная, обувная мастерская, кожевенная фабрика. Была швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была "Канада" - там работали женщины, они проверяли привозимую одежду - пороли ее, искали спрятанные драгоценности: золото, бриллианты, в обуви тоже искали. Была прачечная. Привозили стиральные машины, их собирали, проверяли, пускали в работу. Привозили горы волос из крематория. Я не знаю, что из них делали. Волосы как будто живые - в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Лагерь, где мы жили, не бомбили, бомбили там, где работали. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили, и я с тех пор плохо слышу на одно ухо.

После того, как советские войска начали наступление на Krakow, меня эвакуировали в Маутхаузен. Добирались пять суток пешком и трое суток в вагонах. Выдали по буханке хлеба, 200 граммов маргарина, кружок колбасы и мазнули на хлеб пивидол. Шли "пятерками", по бокам охранники с оружием и собаками. Сзади время от времени слышались выстрелы: это пристреливали отставших, упавших, не могущих идти дальше. Потом загрузили на платформы с бортами, но без крыши. Стояли так тесно, что можно было поджечь ноги и так висеть. К концу путешествия осталось в живых меньше половины.

В Маутхаузене после карантина направили в лагерь Гузен - 2. Там я проходил под № 118549. На работу возвели по УЖД, охрана шла рядом - в основном это были украинцы. Работали на авиационном заводе "Мессершмитт". Завод был спрятан в Альпах в штолнях, и американцы не могли его бомбить. Условия ужасные: ежедневно с работы уносили по 12-15 мертвцев. Занималася проверкой деталей, присыпаемых с других заводов. Бригада была

у нас интернациональная: еврей инженер из Франции; Владимир Игумнов - морской летчик из Ленинграда; летчик румын Борис; два инженера автомобилиста с Украины. Командовал нами вольнонаемный австриец, который к нам не плохо относился.

1 мая заболел, как потом оказалось, тифом, но на работу ходил, иначе прикончили бы. 5 мая 45 года утром не будят, на работу не гонят. Высунулись в окошко - на вышках охрана перебита: пролетел американский маленький самолет и перестрелял их. Заключенные стали ловить оставшихся охранников и расправляться с ними. Появились винтовки, автоматы. Лагерь заняли американцы.

А мне становилось все хуже, и я попросил, чтобы меня доставили в американский лазарет. Несколько дней был без сознания. Когда пришел в себя, все очень обрадовались. Американцы кормили очень хорошо. Всего много, вкусно, питательно, красиво. К тому времени, как я немного поправился, оказалось, что русских уже отправили, (куда - это уже другая история), и я решил с товарищем из моего города поехать в Польшу, а оттуда уже в Россию. Доехали до Моравска Остравы Чехословакии. Объявили, что поезд стоит сутки. В городе встретили советского подполковника. Я сказал ему, что мы граждане СССР, хотим на родину. Он объяснил, куда надо обратиться. Направили нас в лагерь советских граждан, поселили в общую комнату.

Через некоторое время меня вызвали на допрос. У меня была бумага от американцев - освобождение из лагеря на английском, немецком ипольском языках. Следователь посмотрел ее, и в стол, и больше мне не отдал. Я рассказал все, как было, а он кладет пистолет на стол: "Скажи лучше, как Родине изменял! Раз остался жив, значит изменил... Ну, ладно, я буду писать протокол, а ты посиди", - и запер меня в находящуюся тут же каморку-карцер с железной дверью. Сколько я там пробыл, не помню. Потом выпустил меня и дал подписать, что он там написал. Я прочитал и разорвал бумагу. По этой бумаге меня могли расстрелять! Он переписал бумагу, уже как я рассказал, и я подписал.

Недели через две приехал капитанverbовать в рабочий батальон. Нас возили на работу в Польшу, Германию, Венгрию, Румынию, Австрию - косили, собирали урожай и т.п. Денег не было, только кормили.

И всех постоянно гоняли на допросы, а меня - нет. 1 января 46 года нас посадили в поезд, и месяц мы ехали, опять не зная куда. Приехали в Карелию, в Сегежу, там разделились, и человек 30-40 пошли пешком по Выгозеру 40 км до острова рыбаков. Ночевали. Дальше - до Петровского Яма в леспромхоз Верхневыггский. Там нас распределили по лесопунктам. Я попал в Тайгенцы, а дальше в Конжезеро. Работал в "инструменталке" пилоправом, точил пильи, топоры, делал луковые пильи, топорища. Денег не платили, только кормили. Жили в палером. Перед тем, как выдать документы, опять были допросы, запугивания. Только летом уехали военные, а мы остались. Потом перевели в Тайгенцы, затем в Петровский Ям, где осваивали первые электропилы. Стал работать электромехаником на электростанции.

Там на обрубке сучьев работали военнопленные немцы. Был там один пилоправ немец, из лагеря поблизости, толковый мужик, считавшийся "главным антифашистом", и я иногда приглашал его к себе обедать.

В 48 году познакомился на танцах с девушкой Надеждой. Она окончила техникум в Тотьме и работала приемщиком. Праздновали сразу две свадьбы 11 июля (10 родился, 11 женился, 12, наверное, помру). На следующий год 1 мая родилась дочь. Вторая дочь родилась в октябре 51, сын - 1 мая 65 года. Сейчас один внук в 3 классе, два孙子 уже отслужили армию.

В 51 году прошел в Архангельске курсы на главных механиков леспромхозов, но после окончания главным не назначили - "дело врачей". (Но это - между прочим).

В 1957 году приняли в партию в Медгоре. Меня представлял первый секретарь райкома Мартынов Петр Иванович. Он сказал: "Вы знаете, что это за человек? Он Гитлера победил!" Вот такие дела...

Семен Ионович замолчал. Помолчим и мы, ибо кто и что в присутствии Семена Ионовича Бекенштейна может сказать?

Записал Дмитрий Цвибель

SURVIVORS of the SHOAH

VISUAL HISTORY FOUNDATION

22 декабря 1995 г.

Stmion Bekenstein
47 Oktyabrsky pr. #134
Petrozavodsk, 185006
Republik of Karelia, Russia

Уважаемый господин Bekenstein!

Поделившись с нами своими воспоминаниями о том, что Вам довелось пережить в годы Холокоста, Вы дали поколениям возможность ощутить свою личную связь с историей.

Ваше интервью будет тщательно сохранено как важная часть наиболее полной библиотеки воспоминаний из когда-либо собранных. В далеком будущем люди смогут увидеть лица, услышать голоса, узнать о судьбах. Они смогут слушать и учиться и всегда помнить.

Спасибо за Ваш неоценимый вклад, за Ваше мужество, за Вашу душевную щедрость.
С глубоким уважением,

Стiven Спилберг,
Председатель Фонда

P.O. Box 3168. Los Angeles California. 90078. (818) 777-4673

АНЕКДОТЫ ОТ СТЕНЛИ КРАМЕРА (перевод с английского)

На банкете в ресторане объявление по микрофону:

- Дамы и господа. Я потерял кошелек с пятью сотнями долларов. Нашедший получит вознаграждение в 50 долларов.

Его оттесняет другой:

- Даю семьдесят пять!

- Мойша, почему ты стал врачом?

- Так приятно велеть женщине раздеться, спокойно полюбоваться ею, а потом прислать за это счет ее мужу.

Бернштейн возвращается домой после драки.

- Дорогой, что случилось? - участливо спрашивает жена.

- Да этот проклятый ирландец, наш швейцар... Говорит всем, что перепробовал всех женщин в нашем доме, кроме одной, представляешь?

- А-а, я уверена, это важная такая - миссис Вайс с четвертого этажа.

На витрине антикварного магазина Гроссмана выставлена кровать с надписью: «На этой кровати спали Джордж Вашингтон и Наполеон».

- Простите, г-н Гроссман, как эти два человека могли спать в этой кровати?

- А чему Вы удивляетесь? Она же двухспальная.

Молодой сноб из Вирджинии, презрительно взглянув на Когана:

- К вашему сведению, я представитель одного из первых семейств Вирджинии, а

один из моих предков подписал Декларацию Независимости.

Коган зевнул:

Подумаешь, какое дело. Один из моих предков подписал Десять Заповедей.

Старого еврея должны оперировать в католической клинике. К нему подходит сестра-монахиня и спрашивает, кто оплатит счет. Старик тяжело вздыхает:

- Единственная моя родственница - сестра, старая дева. Она приняла католицизм и стала монахиней.

- Вы не правы, мы не старые девы, мы невесты Иисуса Христа.

- О, тогда все в порядке. Пополните счет моему зятю.

Левин жалуется строителю его дома, что через щели в полу пробивается трава.

- А Вы что, за эти деньги хотите, чтобы у вас росли помидоры?

- Доктор, я могу заниматься сексом только один раз в неделю!

- Но в Вашем возрасте это же прекрасно!

- А вот мой сосед, ему тоже семьдесят, говорит, что может шесть раз.

- Так и Вы говорите!

При получении спиц для него брюк, заказчик:- Послушай, Изя, ты шил их целых три месяца! Б-г Вселенную сотворил всего за шесть дней!

Изя вздохнул:

- Да, но ты посмотри на эти брюки и на эту Вселенную.

Ночью жена будит мужа:

- Поди, закрой окно, на улице холодно.

Муж нехотя закрывает:

- Ну, закрыл. Что, от этого там стало теплее?

Бернштейн пришел к врачу.

- Как Вы себя чувствуете? Немного вяло?

Бернштейн вздохнул:

- Если бы я себя так хорошо чувствовал, разве б я пришел?

Одна соседка - другой:

- Ты разбила мой чайник, который я тебе давала, и должна купить мне новый.

- О чём ты говоришь? Во-первых, я его вернула целым; во-вторых, ты мне его дала разбитым; а в-третьих, я вообще не брала у тебя никакого чайника!

Любящая мамаша подарила сыну два галстука - красный и голубой. В день, когда она была приглашена на обед, сын, желая сделать ей приятное, надел голубой галстук. Мать, целуя сына:

- А что, красный галстук тебе не понравился?

Врач, закончив осмотр восьмидесятилетней пациентки:

- Простите, мадам, но даже современная медицина не в состоянии омолодить Вас.

- А кто вас просит омолодить? Мне нужно, чтобы я и дальше могла продолжать стареть!

Выпьем за нас с вами, и П У РснИ Ми!

Чаша кухня

Хоменташен

75 г дрожжей, 1/4 ст. теплой воды, 3/4 ст. кипяченого молока, 5 ст. муки, 3/4 ст. сахара, 1/2 чл. соли, 3 яйца, 1 ст. растопленного масла.

Начинка:

2 ст. мака, 1 ст. молока, 3/4 ст. меда, 1 чл. тертой лимонной цедры, 1/2 ст. изюма.

Ошпарьте мак кипятком, затем пропустите его через мясорубку или разотрите в ступке. Смешайте с молоком и медом и варите на малом огне, часто помешивая, пока не загустеет. Добавьте цедру, ошпаренный изюм и перемешайте, охладите.

Разведите дрожжи в теплой воде и выпейте их в молоко, добавьте один стакан муки, сахар, соль, прибавляйте по одному яйцу, каждый раз сбивая смесь, продолжая сбивать, добавьте масло. Всыпьте остаток муки и замесите тесто, месите его несколько минут, а затем положите в миску, закройте полотенцем и оставьте в теплом месте. Тесто должно удвоиться в объеме. Разделите тесто пополам, раскатайте каждую часть

до толщины около 0,5 см, вырежьте кружки или квадраты, положите на каждый начинку и слепите треугольные пирожки. Положите хоменташен на смазанный маслом противень и оставьте подниматься (пока не увеличится вдвое). Смажьте сбитым желтком и пеките на среднем огне 25 минут, пока не поддумянится.

Другой вариант (без дрожжей)

4 ст. муки, 1 ст. сахара, 100 г размягченного сливочного масла, 1/3 ст. растительного масла, 3 яйца, 1/2 ст. апельсинового сока, 2 чл. соды, 1 чл. соли.

Смешайте сахар, масло, растительное масло, яйца, сок, добавьте муку, погашенную соду, соль. Замесите некруто тесто, разделите его на 4 части. Каждую часть раскатайте тонко (до 3 мм), стаканом вырежьте кружки, положите 1/2 чл. начинки, залепите треугольником. Разложите хоменташен на смазанном противне, оставляя между ними небольшое расстояние, смажьте сбитым яйцом, выпекайте на среднем огне (175 градусов) минут 20, пока не поддумянятся.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ХЭСЭД АГАМИМ

поздравляет с юбилеем

ВИТУХНОВСКУЮ Раису Михайловну
ПОБЕРЕЖНУЮ Марию Абрамовну
ЛАК Гарри Цалеловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185034 г. Петрозаводск, а/я 1449,
тел. (814-2) 5-20-200 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Гендевель
Дмитрий Цвибел

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены
фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12,
тел. 56-98-55, факс 77-12-26

Тираж 200 экз.